

Глава 3

Тень за моей спиной мелькнула в третий раз.

Кто-то неотступно следовал за мной, крадучись в сумраке. Не знаю, было ли это намеренным издевательством или просто неуклюжестью, но преследователь то и дело производил шум, который в мертвом безмолвии тоннелей бил по нервам сильнее грохота. Я замечал эти звуки трижды, пока перебирался через завалы в соединительных проходах, но молчал, не желая обнаруживать себя раньше времени. Прошло почти двое суток. Человек всё еще не появился, и я понятия не имел, чего он добивается. Измотанный и доведенный до предела, я разрывался между страхом перед «теми тварями» и необходимостью защищаться от людей. Наконец терпение лопнуло.

Я прибавил шаг, рванулся вперед и резко замер. Совсем рядом раздался торопливый, глухой шлепок.

Попался. Он всё еще здесь.

В груди вспыхнула ярость. Резко развернувшись, я уставился в пустоту между искореженными балками и битым кирпичом в паре десятков метров от себя. Гибель города дала таким типам бесконечное множество мест для засад.

— Выходи, — бросил я в темноту. — Я тебя видел. Хватит в прятки играть.

Голос гулким эхом разнесся по узловому тоннелю. Кроме нас двоих здесь никого не было, но я всё равно заставил себя сохранять предельную бдительность, впиваясь взглядом в тени.

Всего два дня назад я сполна познал, насколько черны человеческие сердца в конце времен. Тогда, в одном из уцелевших узлов, я наткнулся на пункт снабжения и нескольких выживших. Воды и еды там было в достатке, поэтому уходить они не спешили. Я отдал две банки консервов за бутылку воды и возможность переночевать под крышей, но ночью... Ночью в ход пошли ножи, рогожные мешки и веревки. Если бы я не страдал бессонницей и не умел быстро бегать, сейчас от меня не осталось бы даже воспоминания.

В ту ночь я потерял припасы, остался без воды и заработал глубокий душевный надлом. Стоило вспомнить те грязные, наваленные друг на друга мешки в углу их логова... Нет, об этом лучше не думать. Тот кошмар стал жестоким уроком: в мертвом городе нужно опасаться не только монстров, но и людей. И тот, кто шел за мной сейчас, пугающе напоминал мне о тех подонках.

Затаив дыхание, я не сводил глаз с руин. В углу зашуршало, и из тени медленно вышла худощавая, низкорослая фигурка.

Я застыл. Гнев, уже готовый излиться наружу, словно наткнулся на невидимую преграду и

тяжелым камнем рухнул вниз. Моя ярость ударила в пустоту.

Это был ребенок. Почти подросток, одетый в лохмотья. Его каштановые волосы свалялись от грязи и пыли, лицо было покрыто серыми пятнами, будто он долго блуждал по свалкам, и только светло-карие глаза лихорадочно блестели. Он стоял неподвижно, не говоря ни слова. Если бы не эти глаза, чуть дрогнувшие при встрече взглядов, его можно было бы принять за изваяние.

Пару секунд я просто тупо смотрел на него, а потом развернулся и пошагал прочь. Вскоре за спиной снова послышались короткие шажки. Теперь он шел в открытую. Но я больше не мог заставить себя обернуться и в грубой форме потребовать, чтобы он отстал.

...Боги, это же просто ребенок.

Для него реальность этого города была запредельно жестокой. Но еще хуже было то, что единственным взрослым на его пути оказался я — человек, который едва справлялся с собой и мечтал лишь о том, чтобы стать невидимым. После событий двухдневной давности я предпочитал одиночество до тех пор, пока не встречу отряд спасателей (если они вообще существуют). Я не хотел подозревать дитя, но его присутствие сулило лишь лишние хлопоты. К тому же...

На четвертый день пути пыл мой подостыл. Я начал осознавать, что план «покинуть Мортон» — это лишь предсмертная судорога, отчаянная попытка борьбы с реальностью. Я не смел надеяться, что благополучно пересеку город-руину. Смерть в пути ничем не лучше медленного гниения в убежище. И вместо того, чтобы тащить этого мальчишку за собой по тропе самоубийц, ему стоило бы найти какой-нибудь угол и затаиться. Глядишь, прожил бы дольше.

Я замедлил шаг, тяжело выдохнул, глядя в серый бетонный свод, и обернулся. Ожидаемо, малец замер в десяти метрах. Я снял рюкзак и поманил его рукой. Он тут же подбежал и остановился передо мной, не поднимая головы.

— Слушай, парень... — я достал бутылку воды и две банки консервов, аккуратно поставил их на бетон и смягчил тон: — Вот, возьми. Это всё, что я могу тебе дать. Найди безопасное место и спрячься. Только не иди больше за мной.

Я поднял взгляд, изучая его. Вблизи он казался чуть старше, чем я думал вначале, — скорее, ранний подросток. Мальчишка молчал, его чумазое лицо оставалось бесстрастным, но я кожей почувствовал волну горького разочарования, исходившую от него. Откашлявшись, я отступил на несколько шагов.

— Мне больше нечего сказать... Береги себя. Прощай.

Я развернулся и ушел, не оглядываясь. На сердце было тяжело. После этого акта бесполезного милосердия в моем рюкзаке осталось всего две бутылки воды. Пройдя приличное расстояние и

не услышав за спиной ни звука, я почувствовал легкое облегчение, смешанное с непонятной тоской.

Тоска испарилась через несколько часов. Оставив ребенка позади, я нашел укромный угол в узлом тоннеле и провалился в тяжелый сон. На следующий день, когда серый свет едва начал пробиваться сквозь трещины в потолке, я двинулся дальше. Спустя какое-то время я остановился перевести дух, и боковым зрением уловил движение. В десяти метрах позади снова стоял тот самый мальчишка. Я чуть водой не поперхнулся.

— Да как ты... Опять ты?!

Мы молча смотрели друг на друга. Я чувствовал себя смертельно уставшим. Игра в прятки продолжалась полдня, и в конце концов я просто сдался. Я шел своей дорогой, он — своей, тенью следуя по пятам. Так прошел еще один день. Я торопился, но в узлом тоннеле так и не удалось найти ни одного целого пункта снабжения. Пришлось обратить взор наверх.

Мне нужна была еда и вода. Если под землей их нет, придется искать на поверхности. Сверившись с картой в терминале, я наметил три торговых центра и, выбрав ближайший узел-вход, выбрался на свет. Готовый к худшему, я осторожно обследовал руины, но, на удивление, не встретил ни одной живой души. Торговые точки были полностью разрушены; в грудах бетона удалось отыскать лишь несколько пачек галет и банок с едой, но срок годности у них давно истек.

В нынешние времена даже просроченные консервы были подарком небес. Собрав добычу, я вернулся в тоннель и привалился к стене, чтобы отдохнуть.

И тут я понял, что пацана нигде нет. Тревога колючим холодком пробежала по спине. Мысленно я уже признал его «своим» — возможно, сказывалась привычка опекать тех, кто слабее. Поколебавшись, я бросился обратно к узлу-входу. Оглядевшись по сторонам, я наконец заметил его в отдалении: он копошился в каких-то развалинах, что-то выискивая. Облегчение сменилось раздражением — я-то рисковал шкурой, выбираясь наверх, а этот малый просто увязался следом, совершенно не заботясь о безопасности.

...Ну что за наказание.

Я выпрыгнул из люка и помахал ему, собираясь окликнуть. В этот миг небо внезапно потемнело. Инстинктивно задрал голову, я замер, чувствуя, как кровь превращается в лед.

Там, на крыше чудом уцелевшей высотки, солнце заслонила чудовищная тень.

На долю секунды я отчаянно понадеялся, что это галлюцинация от усталости, и крепко зажмурился. Но реальность хлестнула наотмашь: стоило мне открыть глаза, как тварь метнулась вниз и в следующее мгновение уже сидела на покосившемся фонарном столбе совсем рядом.

Оно приближалось.

Холодный пот мгновенно прошиб меня до костей.

С такого расстояния я отчетливо видел его исполинское змееподобное тело, покрытое золотисто-красной чешуей, каждая пластина которой была остра, точно лезвие бритвы. Белесые перепонки скользили по выпуклым, безумно вращающимся глазам. Я не успел даже вздохнуть, как пестрые, жуткие зрачки монстра сузились в вертикальные нити и, застыв, впились в мои собственные зрачки, расширенные от первобытного ужаса.

...Конец.

Я рванулся назад. Нужно было прыгнуть в узловой тоннель — там оставался призрачный шанс на спасение, пока тварь не разворотила землю или не обрушила своды. Здесь же, на поверхности, я был просто мишенью. Но в следующее мгновение я вспомнил про мальчишку в руинах. Споткнувшись, я резко развернулся и неистово замахал руками маленькой фигурке в обломках:

— Эй! Сюда! Беги ко мне!.. Быстрее! Прыгай вниз!!

Мой крик потонул в оглушительном грохоте. Кракен преодолел разделявшее нас расстояние одним рывком и с небес рухнул на мостовую. Взметнулись столбы пыли, земля под ногами лопнула и пошла трещинами. Ударная волна буквально смела ребенка с места. Меня тоже отшвырнуло, я едва устоял на ногах. Последняя нить здравого смысла в голове лопнула. Не дожидаясь, пока уляжется пыль, я бросился к нему. Вокруг была арматура и острые обломки бетона — если он упадет на них, это смерть.

Ветер свистел в ушах. За все свои двадцать четыре года я никогда не совершал ничего столь безумного. Бег на пределе, прыжок, руки пронзает резкая боль от веса человеческого тела. Поймал! Я успел в самый последний миг. Мы вместе рухнули на усыпанную крошкой землю и проскользили несколько метров. Кое-как поднявшись, я подхватил мальчишку под мышку и припустил прочь.

Мне доводилось бегать наперегонки с поездами метро и временем, но в гонках со смертью я участвовал впервые. Я прекрасно понимал: на своих двоих от этого монстра не уйти. Нужно было другое решение. Хоть что-то. Любая щель, любой подвал...

И тут земля под моими ногами с жутким скрежетом разошлась. Я покачнулся в каком-то оцепенении и почувствовал, как проваливаюсь в пустоту.

Узловой тоннель под нами не выдержал и рухнул.